

ческого режима в этой державе, в существующую идеологию органично влились сакрализованная фигура императора.

Исследователи идейно-политической жизни Древнего Рима отмечают, что именно римляне создали наиболее впечатляющую своей продуманностью и разработанностью политическую мифологию древности, а начало интенсивного политического мифотворчества, в горниле которого выковывалась идея величия Рима и связанные с нею концепции, пришлось на III-I вв. до н.э.

Интересен контекст, в котором происходили данные процессы. Уже в ходе завоевания Италии римляне столкнулись с ситуацией, когда покоренные ими народы (исключая племена италиков) превосходили их как по древности собственной исторической памяти, так и по общему уровню развития культуры, – речь идет, разумеется, об этрусках и греках. В III-I вв. до н.э. римляне подчинили своей власти все культурные страны Средиземноморья, такие как Карфаген, греческие полисы Балкан и эллинистические монархии Востока. Победители значительно уступали своим поверженным соперникам по уровню культурных достижений. Риму нечего было противопоставить своим новым подданным в таких областях как философия, литература, театр, изобразительное искусство. Вспомним знаменитые строки Горация: «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, / В Лаций суровый внеся искусства...». Возникла острейшая необходимость, во-первых, оправдать римские завоевания, а во-вторых – подвести под них прочную идеологическую базу, которая бы смогла доказать принадлежность римлян к семье древних культурных народов завоеванного мира. Эти две задачи и определяли мотивы интеллектуального творчества римского образованного класса.

Именно в эту эпоху потребовалось «отыскать» посланные свыше знаки расположения богов к Риму и его народу. Ответом на данный вызов стала невиданная прежде волна политического мифотворчества. Римская мифология изначально изобилвала политическими мифами, а их появлению способствовало отсутствие достоверных сведений о давнем прошлом Рима. В эпоху своих великих завоеваний Рим не просто создавал империю, но еще и придумывал и удрежнял свое прошлое. Именно тогда начал усиленно культивироваться миф об Энее как о прародителе римлян [3, с. 244]. Этот персонаж был удобен и символичен еще и тем, что как бы объединял легендарную историю Рима с героическим прошлым греков, а именно с сюжетом о Троянской войне и переселении беглых троянцев в Италию. Рим, следовательно, представлялся древней и органической частью самого культурного – эллинского – мира.

Имперский характер римского политического мифа объясняется также тем, что в центре его «стояли не боги, не космос, не человечество, а Рим, римский народ, его история, в которой неразрывно переплеталось божественное и человеческое... В отличие от народов, мифологизировавших историю, римляне историзировали мифологию» [6, с. 47]. Как отмечал С.Л. Утченко, высшая ценность, какую знал римлянин, – это его отечество (*patria*), его родной город, Рим – вечная и бессмертная величина [4, с. 70]. Рим, как думалось, был призван покорить враждебные народы, а долг гражданина – помочь государству в осуществлении этой миссии, ради чего, начиная с Ромула, римский народ совершал бесчисленные подвиги и нес огромные жертвы [1, с. 56]. Это предопределило экспансионистский характер «римского мифа». Вектор развития римского менталитета заключался в движении от мифа как мироощущения к мифу как государственной идеологии [5, с. 188].

Грандиозные военные успехи Рима рождали в гражданах убежденность в превосходстве своего государства, в избранности римского народа. Впоследствии это стало пропагандироваться правящей элитой и восприниматься населением как естественный и предначертанный свыше ход вещей. Данная идея казалась воплощенной во II-I вв. до н.э., когда Рим захватил практически все известные тогда культурные страны и вышел на варварскую периферию: «круг земель», таким образом, объединился в один «Вечный Город», и на весь этот мир распространилось одно название – Рим. Объединенный же Римом культурный мир стал восприниматься античным населением как противостоящий миру варварскому – чуждому и враждебному.

К процессу политического мифотворчества в данный период были причастны «старшие» анналисты – Квинт Фабий Пиктор,

УДК 94(97)

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Бирюков Алексей Викторович
ведущий специалист по информационной работе,
старший преподаватель кафедры всеобщей истории
учреждения образования «Могилевский государственный
университет имени А.А. Кулешова»
(г. Могилев, Беларусь)

В статье показаны основные направления развития политической мысли Древнего Рима в III-I вв. до н.э. в контексте формирования имперского сознания и создания идеологии Римской средиземноморской державы.

Рассматривая имперскую идеологию Древнего Рима, мы обычно обращаемся к ее зрелой, законченной форме – т.н. «римскому мифу» в том виде, в котором он существовал в эпоху Империи. Между тем, на формирование этой идеологии ушло несколько столетий, а имперский характер она приобрела задолго до того, как Римом стали править императоры. Это означает, что уже в эпоху Поздней Республики, во II-I вв. до н.э., стала складываться определенная идейно-политическая концепция, придававшая Риму особый статус в создаваемой им державе.

Имперская идеология в Древнем Риме первоначально была связана не с империей как формой монархического правления. Данная идеология формировалась одновременно с возникновением *Imperium Romanum*, «империи римского народа» – то есть территориальной державы римлян в Средиземноморье. И только впоследствии, с установлением империи как полити-

Марк Порций Катон-старший, а также первые латинские поэты, например, родоначальник римского эпоса Квинт Энний. Они развивали идею о Риме как об избранном богами городе, уготованном для великой миссии.

Таким образом, римский имперский миф формировался на протяжении длительного времени, начиная с III в. до н.э. Творцом его выступала интеллектуальная элита. Столетиями совершалась интенсивная переработка одних и тех же легендарных сведений, принимавшая форму то грандиозного исторического труда (Диодор Сицилийский, Дионисий Галикарнасский, Тит Ливий), то эпической поэмы (Энний, Невий, Вергилий), то биографий древних царей и «бородатых консулов» (Плутарх), то исследований по римской религии, фольклору, праву (Катон Старший, Варрон, Цицерон) [5, с. 188-189]. Параллельно с превращением самого Рима в мировую державу шло превращение «римского мифа» в имперскую идеологию.

Ядро политического мифа – некая сверхзадача, а мессианизм является неотъемлемой частью идеологии любой империи. Римский политический миф не столько реконструировал слабо известное римлянам их собственное прошлое, сколько оправдывал воинственное настоящее во имя славного и великого будущего, предполагая осуществление грандиозной объединительной миссии в «круге земель» и превращение Рима в Вечный Город (Urbs Aeterna), естественный центр ойкумены.

Еще один аспект возникшей в Риме имперской идеологии – идея о моральном превосходстве римлян над другими народами. Убежденность в природных «доблестях» римских граждан имела прочную основу ввиду следования каждого поколения римлян обычаям предков, *mores maiorum*. Наиболее значимые этические качества – доблесть, благочестие, верность, скромность, умеренность – персонифицировались в героях римской старины. Напротив, враги Рима в трудах римских авторов – олицетворение дикости нравов, невежества и коварства.

В заключение отметим, что первая стройная научная концепция, обосновавшая мировладычество Рима, была создана вовсе не римлянином, а ученым греком Полибием, который в своей «Всеобщей истории» обозначил причины римских побед и попытался доказать благотворность римских завоеваний для покоренных народов. Уже в самом начале своего труда Полибий ставит целью раскрыть, «каким образом... почти весь известный мир подпал под единую власть римлян в течение неполных пятидесяти трех лет» [I, 1, 5], и подчеркивает всемирное значение этих завоеваний: «Римляне покорили своей власти весь известный мир, а не какие-нибудь его части, и подняли свое могущество на такую высоту, которая немислима была для предков и не будет превзойдена потомками» [I, 2, 7]. Если раньше, утверждает Полибий, «события на земле совершались как бы разрозненно, ибо каждое из них имело свое особое место, особые цели и конец», то с возникновением Римской державы «история становится как бы одним целым» [I, 3, 3].

Сам Полибий объяснял возвышение Рима совершенством его политического устройства и военной организации и особыми духовно-нравственными качествами его граждан. Он считал, что именно благодаря своим государственным учреждениям римляне покорили весь обитаемый мир и создали величайшую державу [VI, 2(1), 3]. Поэтому закономерен основной вывод Полибия, что именно римское государственное устройство лучше всего подходит для того, чтобы властвовать над другими и осуществлять гегемонию [VI, 50, 1-4]. Полибий отвергает греческий узкополисный идеал и пропагандирует переработанную стоическую идею всемирного братства людей, т.е. новой государственной формы, исторически воплотившейся в Римской державе [4, с. 98].

Идеи Полибия возникли из восторженного преклонения перед Римским государством, которое росло и возвышалась на его глазах. Эти идеи одновременно приводили к важному политическому выводу, который стал одним из краеугольных камней римской имперской идеологии, – о том, что судьба и счастье всех народов состоят в богопредetermined подчинении римской власти как самой совершенной и благотворной в мировой истории.

Список использованной литературы

1. Культура древнего Рима / отв. ред. Е. С. Голубцова : в 2 т. – М. : Наука, 1985. – Т. 1. – 432 с.

2. Полибий. Всеобщая история / Полибий. – М. : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004. – 576 с.
3. Ревяко, К. А. Религиозный аспект внутренней и внешней политики Рима в конце III в. до н.э. / К. А. Ревяко // Проблемы античной истории и культуры. – Ереван : Издательство АН Армянской ССР, 1979. – 548 с. – С. 242–248.
4. Утченко, С. Л. Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н.э.) / С. Л. Утченко. – М. : Наука, 1977. – 256 с.
5. Цуркан, А. А. Имперское сознание римлян как мифологический феномен (к вопросу о специфике «римского мифа») / А. А. Цуркан // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. – 2001. – № 2. – С. 180–193.
6. Штаерман, Е. М. Кризис античной культуры / Е. М. Штаерман. – М. : Наука, 1975. – 183 с.